

Боязнь нестабильности или защита российских интересов за рубежом?

ПОЧЕМУ РОССИЯ ПОДДЕРЖИВАЕТ РЕПРЕССИВНЫЕ РЕЖИМЫ В СИРИИ И В ДРУГИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аналитическая записка № 198

ПОНАРС Евразия

Май 2012 года

Дмитрий Горенбург
Гарвардский университет

В последние месяцы Россия (при содействии Китая) оказывает все более решительную поддержку режиму Башара Асада. И, по мере того как ряды союзников Сирии редеют, Россия становится главным покровителем официального Дамаска на международной арене. Принимая во внимание прежние заявления Москвы, это позволяет сделать вывод, что Россия последовательно поддерживает режимы, столкнувшиеся с угрозой народных восстаний. Ничего нового в этом нет – подобные заявления российское руководство делало и во время иранской «Зеленой революции» 2009 года. Многие аналитики, пытающиеся объяснить, чем продиктована эта линия Кремля, указывают на российские инвестиции в экономику таких стран, как Ливия и Сирия, а также на политические связи, установленные еще в советские времена. Эти факторы, несомненно, сыграли определенную роль при определении российского политического курса. Однако угроза распространения волны политической нестабильности, а также опасения в связи с возникающим прецедентом, имеют для российского руководства не меньшее значение. В ближневосточных революциях российские лидеры усматривают потенциал для распространения волнений на другие страны – опасаясь, что успешный пример народных восстаний может отрицательно сказаться на политически уязвимых режимах Центральной Азии. Предметом настоящей записки является соотношение практических интересов и идеологических факторов, сыгравших свою роль при разработке российской позиции по отношению к «арабской весне».

Я полагаю, что, хотя российские экономические и стратегические интересы на Ближнем Востоке, несомненно, сказались на ее реакции на «арабскую весну», опасения в связи с возникновением заразного примера, а также с собственным позиционированием на международной арене оказывают, скорее всего, значительно большее влияние на формирование российской политики, в течение всего прошедшего года заключающейся в поддержке ближневосточных диктаторов. Во-первых, российское руководство видит свою основную задачу в том, чтобы воспрепятствовать возникновению международной нормы, делающей возможным иностранное вмешательство в ответ на репрессии государства, вызванные акциями протеста или вспышками насилия. Во-вторых, российское руководство стремится противостоять американскому стратегическому успеху на Ближнем Востоке – поскольку именно так оно воспринимает последние события в регионе. Экономический фактор, в том числе и торговля оружием, – играет в данном случае лишь третьестепенную роль.

Российские экономические интересы в Сирии

У России имеются обширные экономические интересы на Ближнем Востоке, и особенно – в Сирии. Самые важные из них – экспорт военной техники и энергетика. Ближний Восток – второй по значению рынок экспорта российских вооружений, уступающий лишь Южной и Юго-Восточной Азии. До «арабской весны» Алжир, Сирия и Ливия регулярно фигурировали в списке пяти ведущих покупателей российского оружия, а в последние годы Россия подписала контракты на поставку военной техники с Йеменом, Египтом, Иорданией, Ливаном и Марокко. Общий объем нереализованных контрактов на поставки оружия в Сирию оценивается в 4 млрд. долларов США.

Российские экономические интересы в Сирии выходят далеко за пределы военной сферы, и оцениваются в целом приблизительно в 20 млрд. долларов США. Российские компании сделали огромные инвестиции в разведку и добычу нефти и газа в Сирии. В настоящее время «Татнефть» и «Союзнефтегаз» активно добывают сирийскую нефть. Контракт «Татнефти» был подписан в 2003 г., а в 2010 г. была пробурена первая скважина на месторождении Южная Кишма. «Стройтрансгаз» построил газопровод и газоперерабатывающий завод и в настоящее время ведет строительство второго ГПЗ недалеко от Ар-Ракки, производительность которого составит 1,3 млрд. м³ газа в год. 2008 г. «Северо-Западная Нефтяная Группа» выиграла конкурс на строительство нефтеперерабатывающего завода под Дейр-эз-Зором. И, наконец, дочерняя компания «Газпрома» «Георесурс» планировала участвовать в конкурсе на проведение нефтеразведочных работ. Российские компании участвуют в создании объектов атомной энергетики; так, в 2010 г. «Росатом» объявил о планах строительства в Сирии первой АЭС, а «Технопромэкспорт» продолжает обслуживать энергетические объекты, построенные им в этой стране.

Российские производственные компании также играют немалую роль в развитии сирийской экономики. В 2010 г. «Уралмаш» подписал контракт на производство буровой установки для Сирийской нефтяной компании. В сентябре 2011 г. «Туполев» и «Авиастар-СП» подписали с «Syrian Air» меморандум о намерениях на поставку трех пассажирских самолетов Ту-204СМ и создание центра по их обслуживанию. Концерн «Тракторные заводы» заявил о планах по созданию сирийско-российского СП по производству сельхозтехники, группа «Синатра» строит гостиничный комплекс в Латакии, в 2008 г. «Ситроникс» заключил контракт на развертывание в Сирии беспроводной сети, и, наконец, «Русские навигационные технологии» объявили о начале внедрения в стране системы ГЛОНАСС-мониторинга на сирийском транспорте.

Российские экспортеры опасаются, что смена режима в Сирии и других странах ближневосточного региона приведет к утрате контрактов, поскольку новые власти будут стремиться к установлению экономических связей со своими покровителями в Турции, Европе или США. В особенности это касается контрактов на поставку вооружений. У России перед глазами – пример Ливии, с 2005 по 2010 г. закупившей партии российского оружия на сумму более 2 млрд. долларов США, в том числе – реактивные истребители, вертолеты, подводные лодки, танки и ракеты. Однако новое ливийское правительство недавно заключило с Францией новое долгосрочное соглашение о сотрудничестве в области обороны. Как ожидается, результатом соглашения станет закупка французских реактивных истребителей. Российское руководство глубоко убеждено в том, что в нынешней ситуации слишком поздно отказывать Асаду в поддержке. Оно полагает, что даже если бы Россия решила поддержать оппозиционеров, то они не простили бы ей той решительной поддержки, которую она оказала режиму в прошлом, и разорвали бы тесные экономические связи между двумя странами. Поэтому российские экономические интересы в Сирии могут быть обеспечены лишь в том случае, если Асаду удастся либо разгромить оппозицию, либо урегулировать конфликт путем переговоров.

Российские политические интересы на Ближнем Востоке

Несмотря на то, что российское руководство обеспокоено потенциальным отрицательным воздействием «арабской весны» на экономические интересы России, основная причина российского недовольства сменой режимов на Ближнем Востоке состоит не в этом. Политические факторы как регионального, так и международного характера, играют в расчетах Кремля значительно более важную роль.

Поскольку Россия не нуждается в импорте энергоресурсов, на региональном уровне она, прежде всего, заинтересована в стратегическом доступе в регион. За годы, прошедшие с момента распада СССР, Россия отказалась от всех советских военных баз за рубежом, за исключением одной – пункта материально-

технического обеспечения кораблей ВМФ в сирийском порту Тартус. Он не является военной базой в точном смысле этого слова, поскольку, за исключением 50-ти моряков, занимающихся техобслуживанием, там нет постоянно базирующегося воинского контингента. База состоит из двух плавучих причалов, плавмастерской и хранилища. Ее основной задачей является ремонт и снабжение топливом и продовольствием кораблей российского ВМФ, проходящих через Средиземное море. Российское руководство обеспокоено тем, что падение режима Асада может привести к закрытию этого объекта. И хотя сирийская оппозиция не делала никаких заявлений относительно будущего базы в Тартусе, Россия слишком долго зависела от Асада, а в последние месяцы слишком активно и демонстративно оказывала ему поддержку в его борьбе с оппозицией, чтобы рассчитывать на хорошие отношения с тем, кто придет ему на смену, – в особенности, если смена власти будет насильственной.

Состоявшийся в январе 2012 г. визит в Сирию группы российских кораблей, в состав которой входил авианосец «Адмирал Кузнецов», был призван продемонстрировать то значение, которое Россия придает своим отношениям с Сирией и ее нынешним руководством. И хотя официальные российские источники неоднократно заявляли, что речь идет о деловом заходе в Тартус с целью пополнения запасов, давно запланированном и не носящем политического характера, этот визит почти наверняка следует рассматривать как политический сигнал. Заход кораблей был истолкован как в самой России, так и за рубежом как свидетельство того, что Кремль не потерпит повторения «ливийского сценария», и именно так это было воспринято сирийскими властями и официальными СМИ, возвестившими о визите кораблей как о выражении российской поддержки режима Асада.

В действительности вполне возможно, что этим визитом российское руководство намеревалось послать иной сигнал: Россия остается игроком на Ближнем Востоке, и с ее позицией придется считаться. Оно полагает, что с уходом Асада Сирия либо станет турецким союзником, либо надолго погрузится в пучину хаоса и гражданской войны. В любом случае Россия потеряет надежного союзника. Более того, российское руководство обеспокоено развалом существовавшей когда-то оси дружественных России режимов, проходившей по центру ближневосточного региона. Став президентом Владимир Путин начал прилагать усилия к восстановлению отношений с ближневосточными союзниками времен «холодной войны». Сирия, Ливия и Ирак оказались в центре этих усилий, направленных на создание противовеса господству США в регионе. Иран – заклятый враг США и надежный союзник Сирии – также входил в эту ось. Российское руководство восприняло войну в Ираке главным образом как попытку ослабить антиамериканскую коалицию в регионе и видело подтверждение своей правоты в позиции, которую заняли в этой войне Саудовская Аравия и члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

В начале «арабской весны» Россия была готова согласиться на вмешательство Запада в события в Ливии. Российское руководство решило не накладывать вето на Резолюцию 1973 по двум причинам. Во-первых, ему не хотелось портить отношений с западными лидерами, настаивавшими на вмешательстве. Хотя сближение с США имело значение для российского руководства и, несомненно, играло определенную роль, гораздо большую важность для России имеют политические и экономические связи с Европой. Позиция Франции и Италии, которые, опасаясь гуманитарной катастрофы и наплыва беженцев в случае наступления сил Каддафи на Бенгази, активно выступили за введение запрета на полеты ливийских ВВС, имело для российских расчетов особое значение. Во-вторых, российское руководство не хотело брать на себя ответственность за массовое убийство мирного населения, которое могло бы произойти в результате неуступчивости России в вопросе о вмешательстве.

Вскоре, однако, российское руководство оказалось разочаровано расширительным толкованием положений Резолюции 1973, к которому прибегли страны-члены коалиции. Оно было готово дать согласие на создание зоны, закрытой для полетов ливийской военной авиации, с целью предотвращения уничтожения мирного населения. Было оно готово и помочь своим европейским партнерам в деле предотвращения потока беженцев на их территорию. Однако в значительно меньшей степени российская сторона была готова согласиться на предоставление Северо-Атлантическим альянсом военной помощи повстанцам, сражающимся с авторитарным правителем, с которым у нее были достаточно тесные связи. Российская критика стала нарастать по мере того, как становилось очевидным, что действия авиации НАТО были направлены против войск и бронетехники Каддафи, и отнюдь не ограничивались пресечением налетов ливийских ВВС на мирные объекты. Более того, реакция российского руководства на вооруженное восстание в Сирии была предопределена ливийским опытом. Результаты ливийской революции в сочетании с внутривосточными факторами, изменили вектор ближневосточной политики России в антизападном направлении. Это и привело к тому, что Россия наложила вето на резолюцию ООН, поскольку российское руководство опасалось, что она может быть использована в качестве повода для очередного военного вмешательства Запада на Ближнем Востоке.

Не допустить примера для подражания

Российское руководство не хочет допустить возникновения новой международной правовой нормы, допускающей иностранное вмешательство во внутренние конфликты – в особенности, когда речь идет о конфликтах, порожденных массовыми выступлениями против авторитарного правительства. Особое раздражение у российской стороны вызывает стремление Запада навязать свои ценности и формы правления за пределами Западного мира. Так ли это в

действительности, не имеет значения, поскольку российское руководство уверено, что дело обстоит именно так. Оно хорошо помнит о цветных революциях в Сербии, Украине и Грузии, в результате которых на смену дружественным режимам к власти пришли силы, которые в той или иной степени можно охарактеризовать как антироссийские.

Кремль обеспокоен тем, что новые успешные народные восстания на Ближнем Востоке могут создать пример для подражания – для ближнего зарубежья, а, возможно, и для самой России. Поначалу наибольшие опасения были связаны с возможностью свержения «дружественных» авторитарных режимов в результате народных выступлений. Однако недавние массовые демонстрации против фальсификации результатов выборов в России лишь укрепили решимость ее руководства не допустить возникновения нового эффекта домино, когда режимы один за другим уходят в политическое небытие в результате народных выступлений.

И хотя «арабское пробуждение» практически никак не связано с возникновением волны протестов против политической системы Владимира Путина, российское руководство чувствует себя, как в осажденной крепости: со всех сторон надвигаются волны антиправительственных выступлений, и в каждом падении авторитарного режима оно видит подпитку этих настроений в мировом масштабе. Это же ощущение порождает опасения, что свержение режима Асада приведет к возобновлению антиправительственных выступлений в Иране, вследствие чего волна региональной нестабильности приблизится к границам России.

Более того, тревогу у российского руководства также вызывают успехи, достигнутые исламистскими силами в регионе, в особенности – в Египте. Двойная опасность свержения народными массами местных авторитарных правителей и последующей победы исламистских партий на выборах порождает угрозу захвата исламистами части Центральной Азии. Такой сценарий развития событий, вероятно, привел бы к существенному росту миграционного потока из центрально-азиатского региона в Россию и к дальнейшей дестабилизации внутривосточной ситуации.

Сочетание страха перед нестабильностью у собственных границ с опасениями по поводу того, что массовые выступления на Ближнем Востоке станут примером для подражания за пределами ближневосточного региона, – вот дополнительный фактор, побуждающий российское руководство проводить политику поддержки авторитарных режимов.